
МОТИВАЦИЯ И ДУХОВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

А.Ю. Кирсанов

РАБЛЕЗИАНСКИЙ ХРОНОТОП М.М. БАХТИНА. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ МИРА ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Статья посвящена философско-психологическому переосмыслению проблемы пространства-времени через её художественное акцентирование в раблезианском хронотопе, исследованном М.М. Бахтиным, связи целостности хронотопа с событийной темпоральностью подлинной жизни, включённой в эмоционально-ценностную сферу, как основы такой жизни, художественному отражению непрерывного и незавершённого бытия, а также поиску граней преломления указанной проблемы в художественном описании и категориях экзистенциального анализа (*Dasein*). Особое внимание уделено роли непрерывного становления человеческого бытия в развитии чувства целостного Я, преодолению механистической рациональности. Проведён анализ особенностей художественного представления хронотопа на примере романа Рабле и трёхуровневой структуры темпоральности в экзистенциальном анализе, проведена аналогия раскрытия хронотопа в художественном представлении автора и пространстве миров *Mitwelt*, *Umwelt*, *Eigenwelt* экзистенциального анализа, синтезированы выводы об общности способов выхода из замкнутости ограниченного мира застывшей рациональности. В работе сделан акцент на эмоционально-ценностную основу подлинной жизни, по-новому представлена категория хронотопа и существо жизни, как непрерывно обновляющегося и становящегося бытия, возникновения тревоги как результата доминирования казуального восприятия жизненных Событий, без учёта амбивалентности и целостности проживания. Сделаны выводы об исключительной роли ценности мгновения, поступка и ответственности, эмоциональных связей с ценностями для цельной жизни и роли в ней будущего.

Ключевые слова: философия, психология, пространство-время, хронотоп, *Mitwelt*, *Umwelt*, *Eigenwelt*, тревога, Событие, *Dasein*, эмоционально-ценностные связи, Будущее.

Abstract. The article is devoted to the philosophical and psychological rethinking of the space-and-time problem from the point of view of its artistic accentuation in Rabelaisian chronotope studied by Mikhail Bakhtin, the relationship between chronotope integrity and event temporality of true life involved into the emotional-value sphere, artistic reflection of continuous and incomplete existence as well as the search for aspects of the aforesaid problem that can be found in the artistic description and categories of existential analysis (*Dasein*). Special attention is paid to the role of continuous development of human existence in the process of development of the feeling of integral Self and overcoming of mechanistic rationality. The author of the article analyzes peculiarities of the artistic representation of chronotope based on the example of Rabelais' novel and three-level structure of temporality in existential analysis, draws an analogy between representation of chronotope in the artistic perception of an author and the *Mitwelt*, *Umwelt*, *Eigenwelt* worlds of existential analysis, and makes a conclusion about common ways to break the circularity of the confined world of frozen reality. In his research Kirsanov emphasizes the emotional-value grounds of true life and gives a new presentation of the chronotope category and life essence as the continuously renewing and developing existence as well as anxiety as a result of the prevailing casual perception of life Events without taking into account ambivalency and complete experience. The author also makes a conclusion about a peculiar role and value of the moment, event and responsibility and emotional relations and values for living a full life and having a future.

Key words: space-and-time, chronotope, *Mitwelt*, *Umwelt*, *Eigenwelt*, anxiety, event, *Dasein*, psychology, emotional-value relations, future, philosophy.

Необходимо новое философское удивление перед всем. Всё могло быть другим.

(М.М. Бахтин)

Подражать великому или ему соответствовать в становлении? Это не статья о Бахтине, как начинал Аверинцев, статья не о Рабле у Бахтина, это взгляд сквозь Бахтина, взгляд вместе с Бахтиным на проблему пространства и времени в человеческой жизни.

Бахтин давно и, даже через сомнения, определённо стал явлением, новым смыслом проблем жизни, искусства, особым пространством для смелого взгляда для удивлённого жизнью человека. Не просто удивлённого, но несущего ответственность за своё удивление. Как указывает сам Михаил Михайлович: «Искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности» [1, с. 4]. Тем самым можно говорить не только об искусстве в жизни человека, но и об искусстве жизни, поскольку «легче творить не отвечая за жизнь, и легче жить, не считаясь с искусством» [1, с. 4]. Поэтому, по следующей его мысли: «искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности». Но в каком месте и времени человек отвечает за свою жизнь? Ответствен ли он за случайность событий судьбы?

Так о чём данная беседа рядом с Бахтиным? О проявлении жизни в пространстве и времени. Так просто? В определённом пространстве и времени мысли – безусловно. Жизнь вообще проста, если её не жить различно.

Проявления жизни необходимо рассматривать не как механически соединённые в пространственно-временном соотношении, но учитывая органичность и качество такой связи под эгидой целостности: целостности самой жизни, целостности личности, способной внутренним миром и поступком объединить самые противоречивые состояния.

Очевидно, что пространство и время значимы не только в естественнонаучном мировоззрении, но и в любой области человеческой жизни, поскольку являются определяющими её атрибутами. Но для создания определённого пространства восприятия указанных атрибутов, Бахтин использует категорию хронотопа, взятую из физики, но которой придан онтологический статус через пространство художественных образов и время их проявления в произведении.

Проблему форм хронотопа Бахтин рассмотрел в исторической динамике, однако, роман Ф. Рабле поставил особняком. Как пишет М.М. Бахтин: «Дело в особой связи человека и всех его действий, и всех

событий его жизни с пространственно-временным миром. Мы обозначим это особое отношение как адекватность и прямую пропорциональность качественных степеней («ценностей») пространственно-временным величинам (размерам)» [1, с. 202].

Жизнь едина в самом факте своего наличия, однако, и различна в проявлениях через конкретику не просто отдельной жизни человека, но и связях человека с окружающим миром, другими людьми, с собой. Характер таких связей, их качество позволяют отличать судьбы и характеры не только и не столько в стремлении к панобъективации жизни в «научном мировоззрении», сколько в путях понимания феномена человека.

Конечно, художественные приёмы позволяют высказаться автору на том языке, которым говорит всё его существование, подбирая формы, способные вместить не только собственное мироощущение, но и культурно-исторический момент, обозначающий пространственно-временное обрамление такого личного высказывания автора, его позицию «к желаемому возможному» в единстве с позицией «от неизбежно существующего».

В художественном произведении и время, и место выступают не просто атрибутами происходящего с героями, но такими же действующими лицами, с сопоставимой значимостью для произведения.

В данном случае, случае с Рабле, Бахтин высоко ценит грандиозные масштабы действия романа, масштабы гротескного реализма, где и хронотоп очерчивается резче, где привычные в обычной жизни вещи и состояния становятся фоном для чего-то важного в любой точке повествования. В каждый момент человеческой жизни для человека всё обладает пространственно-временной характеристикой: что-то в центре момента сейчас, что-то на периферии (или раньше, или потом). Во всяком случае, разнесённые в пространстве и времени события, в определённой связи выступают *целостно*, то есть хронотоп указывает нам именно на данное условие специального объединения времяпространства.

Разные хронотопы необходимо и как-то различать. Различать по какому-то признаку («весу», если органично продолжать включение естественнонаучных понятий) в цельной жизни и жизни конкретного человека. Таким особым признаком выступает ценность, а точнее *эмоционально-ценностное отношение* к установившимся в данный момент связям как внутри хронотопа, так и вне его. У Рабле всё хорошее растёт, плохое увядает, уступая место для нового рождения. Такой переход в целостности «рождения-роста-увядания-смер-

ти-рождения» позволяет не только придать динамике сюжету, но акцентировать внимание на существе жизни: непрерывном росте и обновлении, утверждении и отрицании, смерти и рождении, происходящих в пространстве целостной жизни, способной соединить события, людей, вещи и чувства, несоединимые в человеческом понимании до урока жизни по такой возможности.

Бахтин показывает, что такое непрерывное изменение внутри отдельной человеческой жизни является отражением внешней жизни, жизни движущейся в своей вечной незавершённости, в своём непрерывном становлении и личность, вбирающая в себя разнонаправленные хаотичные процессы внутреннего и внешнего, ценностным отношением вносит порядок, создавая эмоционально-ценностную различимость своей жизни, а значит делая её насыщеннее.

Таким образом, Рабле делает акцент не просто на обозначении положительных и отрицательных качествах жизни, но и на обозначении их пространственно-временных атрибутов, для создания как внутренней динамики романа, так и иллюстрации их связи с жизнью. Любые одежды настоящего в соотнесённости с возможностями и масштабами жизни «смешны», «велики» человеку, каждая ситуация даёт жизнь «на вырост»: ведь неизвестно, кем, каким и насколько «большим» человек станет, реализовав себя в конкретном событии, в поступке.

Как всегда точно, Бахтин отмечает место и значение тела в романе Рабле. Для Рабле, реальнее, чем тело, в этом мире для человека ничего нет: материально-телесный низ выступает началом глубоко положительным, представленным в гротескных формах. Анатомические подробности, детализированный показ событий романа формируют новую точку отсчёта, «нулевой километр» пространства жизни: материально-телесный мир показывается как непосредственное проявление жизни в пространственно-временном аспекте. К этому вопросу мы ещё вернёмся.

Упоминание о ситуации, описанной в начале романа, когда у главного героя в одно время родился ребёнок и умерла жена: «Мать новорожденного Пантагрюэля умерла, и вот отец его Гаргантюа попал в трудное положение: он не знает, плакать ему или смеяться. “Сомнение, смущавшее его разум, состояло в том, что он не знал, должен ли он плакать от горя по своей жене или смеяться от радости при виде сына”. Он не мог разрешить своих сомнений и в результате и плакал и смеялся. Вспоминая жену, “Гаргантюа ревел, как корова. И вдруг начинал смеяться, как теленок, вспомнив про Пантагрюэля” (кн. II, гл. III)» [1, с. 232].

Иллюстрируя таким образом хронотоп, как мы видим, происходит вопрошание: а что делать герою сначала, а что после? Радоваться или грустить? Эта ломка привычного пространства-времени через живую ткань жизни, через отрицание подчинённости причинно-следственному мышлению (дьявол-логик, по выражению Г.С. Померанца).

Следуя за этой мыслью, казуальное восприятие есть попытка страховки от жизни и регулярные выплаты по ней это смерть живого и уникального существа, лишь дань безличной природе. Банальность: подчиняя восприятие жизни причинно-следственному принципу, человек от жизни убегает, через отрицание её сути. Рабле и показывает необходимость открыть естество жизни: одновременность и полноту в фактологической двойственности, но феноменологической целостности. Такую одновременность Бахтин особо акцентирует: «все <...> мрачные агеласты, которых Рабле <...> ругает, осмеивает, – все они представители всего мира <...>, который умирая рождает. <...> Раблезианские образы фиксируют именно самый момент перехода <...>» [2, с. 269]. Ведь личная истина-есть то, что прожито, есть то, что сказано через прожитое, особенно через границу, порог, рубеж. Но, зачастую, истина заменяется правдой выходного дня, правдой отдыха души от жизни. Смерть тоже отдых, только вечный.

Бахтин убеждает нас, и весьма успешно, что человек, задавая любые вопросы о себе и решая любые задачи, делает и то, и другое здесь, в материально-телесном мире.

Телом можно думать, чувствовать, дышать. Психика вовлекается в телесно-непосредственное схватывание реальности. Такой опыт и постоянное к нему возвращение, и соотнесение с ним при проживании идилично-умозрительных представлений о жизни, служит и отправной точкой, и маяком одновременно, поскольку центр самости, тем более «я», отождествлённое с сознанием, сформированным исключительно психологическими событиями о реальности, а не в реальности, способны легко потеряться в полупустом пространстве чистой идеальности, учитывая, что чувства, протаскивающие «я» через тело в реальность, не могут быть подлинными в такой чистой, потусторонней идеальности. Без телесности не возможна целостность, как первостепенный акт подлинной жизни.

В потоке жизни, одновременно происходящие события, разнесённые в пространстве, через категорию хронотопа являются нам в проявленности одного из главнейших признаков события-целостности жизни. Различение целостностей, их упорядочивание во внутреннем мире, а с необ-

ходимостью и во внешнем, происходит на основе *ценностной* ориентации. Таким образом система ценностно определённых целостностей составляет существо подлинного источника личностного отношения человека к миру. Система ценностей, составляющих как «координатную сетку» исключительность конкретной жизни, порождает смысл. Воление человека определённой, интенциональной направленности его конкретной жизни, через систему ценностей, с порождённым смыслом, рождает постоянные невообразимые в своей неповторимости сочетания в эмоциональной партитуре. Как указывает И.Л. Попова: «“Ценности” материального и духовного мира в романе Рабле не противоречат друг другу; всё ценное – каково бы оно ни было – “еда”, “питьё”, “истина”, “добро”, “красота” – соприкасаются и сочетаются друг с другом» [4, с. 146].

На уровне разума, амбивалентность, дихотомия, понятны, но на уровне жизни слабо.

Можно выделить две формы хронотопа человеческой жизни: линейное казуальное пространственно-временное измерение и событийная темпоральность или темпоральность экзистенции (подлинное время жизни).

Событийная темпоральность характеризует измерение времени жизни происходящими проживаемыми событиями: локализация существования не в классическом пространственно-временном континууме, а в психологическом пространстве, где событийная темпоральность определяется возможностью одновременного проживания амбивалентных психологических состояний и восприятие своего Dasein в Событии.

Dasein как Событие

Когда с нами что-то случается, какое-то событие, что нанизывает человека (психологически), словно на вертел и прожаривает на огне джаспера происходящего? За пять минут до нужного времени (страх, тревога) или через пару вечностей после (бессознательная фиксация в событии)?

Время человека как сущего линейно и проявляется как пространственно-временная протяжённость, не сильно отличимая от протяжённости объекта мира с поправкой на принадлежность к миру живого. Однако человек существует не только как сущее, но и как проявленность бытия. Такая ипостась человека проявляется в Dasein (не-алиби, Бахтин). Dasein человека проявляется в соотносённости с бытием, Целым, через экзистенцию, т.е. всецелое проявление существования. Такое проявление человеком себя во времени, опреде-

ляется как темпоральность, т.е. время проявления экзистенции. Dasein (подлинное существование человеческого в человеке, «здесь-бытие») как проявление бытия, существует в Событии, через событийную темпоральность. Если каждое мгновение человек проживает как Событие, то в таком мгновении ему и открывается со-причастность к бытию, со-бытийность, подлинное существование в цельности.

Можно сказать иначе: я выхожу не просто в мир, но я выхожу в событие. Является ли мир для меня событием или декорацией, где я существую сам для себя в своём времени? Если последнее, то даже биография становится лишь монографией о себе, а рождение лишь затяжным прыжком в смерть, где эпитафия – собрание сочинений по личной биографии.

Событийная темпоральность показывает движение и течение субъективного времени через различия проживаемых Событий. Время жизни, качественно и количественно меняется при проживании её через хронологическую последовательность фактов (причинно-следственное, логическое мироощущение (возможное, по Кьёркегору)) или событийную темпоральность как мира переживаемых Событий (изменений как во внешнем так и внутреннем мире, захватывающим экзистенцию в подлинных чувствах через Dasein, не-алиби в бытии). Так ценит время «рыцарь веры» (Кьёркегор), о котором датский мыслитель убеждённо прочувствовав пишет: «<...> он покупает каждое мгновение своей жизни по самой дорогой цене, “дорожа временем, потому что дни лукавы”» [7, с. 51]. Да и сложно остаться равнодушным к мысли: «Время останавливается – приходит, лишь будучи исполнено настоящим» [8, с. 113].

В данной точке размышлений, напрашивается вывод: только всем собой человек сможет познать своё предназначение и ситуации, называемые Событием, призваны актуализировать (активировать, спровоцировать) человеческое в человеке. Жизнь провоцирует нас быть людьми.

Современная цивилизация (как западная, так и наша, перенявшая калейдоскопические линзы потребительской культуры) приучила человека к атомарному восприятию жизни, забывая, что жизнь «впускает» в себя человека и освоение мира приходит не столько через понимание, как результата мышления, но понимание через проживание.

В подлинной жизни человек отделён от эмоционально-ценностного случая События, пространственно-временным расстоянием до другого События. Такое качество жизни, воспринимаемое как событийная темпоральность (мгновение и по-

вторение Кьеркегора) в корне отличается от фактологически-казуальной линии жизни, принадлежащей миру памяти и абстрактному мышлению, перемещаясь в нём на основе рациональности (при этом, позитивный, творческий её аспект состоит в преобразовании особым образом жизни (Логосе), в то время как негативный аспект рациональности состоит в *замене жизни операциями над ней* (Танатосе).

Фактологическая «стрела времени» формирует состояние «забытой» жизни: факты, могущие связываться в любой последовательности и любого качества в условиях «рациональной жизни», приобретают нужные грани для достраивания индивидуального бытия до цельности посредством воображения и фантазии: подтасовка фактов позволяет рисовать ими любую картину жизни.

При фактологическом (биографически-фактологическом) восприятии жизни ценность таких фактов зависит от времени и места их восприятия (воспоминания, изложения, т.е. связей с внешним миром).

Таким образом, внутренний мир и его соотносённость с внешним приобретают зависимость (качественную определённую) от параметрической динамики. В такой ситуации факт жизни объективируется, из него выделяются (определяются) отдельные свойства (действительные или воображаемые), выступающие параметрами встраивания такого факта в неподлинную жизнь. При этом самим параметрам придаётся псевдоценностный окрас, обусловленный задачей целостного восприятия жизни, но статичного, поскольку подлинная жизнь предполагает динамику незавершённости становления, непредсказуемого сочетания противоположностей. Как указывал Л. Шестов: «... сравнительно с механистическим мировоззрением даже вульгарный гедонизм представляется проникновенным» [5, с. 8].

Особенность значимости параметрической фактологичности человеческого бытия определяется, прежде всего, количественными характеристиками и казуальной связью.

Количественные характеристики позволяют определить значимость фактов жизни через такие параметры как: больше-меньше, раньше-позже и т.д., что объективирует человека, делая его предметом, вещью, в том числе при самоосознании, самооценке.

Придание казуальной связи жизнеопределяющего и смыслообразующего статуса возводит её до онтологического уровня и внутренний мир (равно как и его такая связь с внешним), определяемый вертикально (имманентно-трансцендентно)

и горизонтально (биографически) такой связью, становится ограниченным в реализации возможностей, потенциально заложенных в человеке, поскольку казуальная связь исключает формирование иных, не предусмотренных её свойствами, связей.

Таким образом, фактологическое проживание (прожигание) жизни предполагает искусственное выстраивание происходящего в объёмах и соотносённости с заданными параметрами. Живое, непосредственное схватывание поразительной возможности ранее невозможного *выскальзывает* из конкретного человеческого бытия, жизнь кажется односторонней, предсказуемой, понятной и определённой. Подобное безжизненное состояние предмета, каким человек себя делает при указанном отношении к миру, приводит к утверждению ничто, добровольному впусканию небытия, человек умирает вне себя постоянно.

Определяемость человеческого бытия фактологической последовательностью на основе количественных характеристик (параметрической динамики) и их казуальной связью приводят к кризисному (порой и катастрофическому) восприятию *равноценных* событий.

Казуально-параметрическое восприятие объективирует действительность, создавая факты, выделяя наиболее существенные стороны и свойства на основе заданных конкретной картиной мира параметров. Во-первых, такая картина мира конкретно человека ограничена *ранее* заданными параметрами, качество которых, само по себе, может вызывать вопросы. Во-вторых, при одновременном восприятии равноценных событий и совпадении их параметров отсутствует основание для соотнесения с чем-то большим, когда выбирать невозможно, но необходимо.

Кроме того, одним из определяющих качеств жизни, является её амбивалентность. При указанном восприятии антропологически заданное амбивалентное отношение делится до приемлемой человеком стороны. Следствием такого деления становится самовоспроизводство (за счёт подтверждения) параметрического восприятия и угасание энергии жизни за счёт стремления к приведению её (жизни) в состояние предсказуемого равновесия, вещи в позиции покоя. Такую позицию жизнь не приемлет.

Другое дело, когда речь идёт о событийной темпоральности жизни. Событие, как эмоционально-ценностная целостность, приобретает определённую автономию во времени и пространстве: соединившись единожды в конкретном месте, в конкретное время внутреннее и внешнее были

связаны общей, экзистенциальной точкой-ценностью, самой по себе структурно инертной, но при установлении особой связи в Событии с происходящим во внутреннем и внешнем мире, приобретающей жизненную динамику и передающую её экзистенции в целом. Такой особой связью выступает *чувственное отношение к ценности*.

Таким образом, *чувственно-ценностное* определяет структуру и динамику экзистенции, отражая сущность жизни, как непрерывно становящегося *цельного бытия*.

Относительная автономность События, сформированного чувственно-ценностными связями, предполагает его «воскрешение» как происшедшего-происходящего, а также развёртывание и перенесение этих связей в будущее за счёт их *устойчивости* и адаптационным возможностям к непредсказуемости жизни. Чем сильнее человек «сжимает» себя в Событии за счёт волевого и ответственного отношения к происходящему в акте выбора (поступка), тем крепче, плотнее и устойчивее внутренние связи, тем большая готовность к освоению творческой непредсказуемости предлагаемых жизнью возможностей, тем большая способность отстаивать себя в судьбе, себя же в ней выбирая.

При «рациональном отношении к ценностям», какое можно наблюдать при параметрически-фактологическом отношении к жизни, перенесение в будущее через настоящее казуальных связей возможно только искусственно: при проверке будущим казуальные связи дают вероятность, а не гарантированную закономерность, что приводит к *расшатыванию и разрушению таких связей, переживанию угрозы распада*: мир человека, сформированный и поддерживаемый этими связями, для их сохранения, *отторгается* от существа непредсказуемой жизни, становясь от жизни *изолированным, где прошлое проецируется в зеркальное будущее, и не воспринимается как прошедшее будущее* (вне времени – вне пространства, словно миры Эдгара По).

Защитой от такой угрозы становится формирование выстраданного личностного ядра, представляющего собой «клубок» ценностей, рождение чувственной связи с ними и между ними, волевое и ответственное отстаивание себя в выборе (поступке) посредством заполнения пространства непредсказуемых сочетаний возможностей в *длящимся будущем*, предлагаемых жизнью в её целостности и непротиворечивости, где смерть и рождение раздельно слиты.

В таком отстаивании себя возможно заслужить высшую благодать: получить в дар такие

обстоятельства и в то время (Кайрос), в которых, проявив себя, человек переродится. *И надежда на такую благодать – часть ценностного будущего*.

Экзистенциальные хронотопы миров Mitwelt, Umwelt, Eigenwelt

«Экзистенциальные аналитики определяют три модуса мира, то есть триодновременно существующих аспекта мира, которые характеризуют бытие в мире каждого из нас. Первый модус – *Umwelt*, его буквальное значение “мир вокруг”; это биологический мир, который в наше время обычно называют окружающей средой. Второй модус – *Mitwelt*, буквально “с миром”; это мир существ одного вида, мир близких нам людей. Третий модус *Eigenwelt*, “собственный мир”; это мир истинного Себя» [с. 145].

Художественное «схватывание» мира, выраженное автором не только в характере героя, но и обстоятельствах, в которых он действует, делают произведение целостным в определённой направленности, а расстановка акцентов и придание рельефа различным элементам произведения придают ему неповторимость и своеобразие.

Как показано ранее, Бахтин пространственно-временной среде действия придаёт особый статус: в подчёркнутой целостности он онтологичен. Такая целостная среда, или хронотоп, отражающий «нераздельную слиянность» (Бахтин) пространства-времени, рассматривается и в экзистенциальном анализе.

Каждый из трёх указанных миров (*Umwelt*, *Mitwelt*, *Eigenwelt*) в конкретной жизни может быть рассмотрен как хронотоп, под эгидой целостной экзистенции в определённой интенции.

Первичным пространствременным состоянием является «заброшенность человека» в данной телесной форме. Каждый живёт в своём времени. Но где мы можем встретиться? В Диалоге с Другим, в общении. Открыв *Dasein* себя для себя как Событие, открыв Другого в Диалоге личность входит в особую временную зону, точнее в особое временное состояние, состояние «застывания вечности в миге»-Мы, во встрече Я и Ты. При таком различии судеб и способов, содержаний существования у нас есть общий источник «смывания» эгоистических пластов: приобщение к жизни, как к дарующей единство противоположных переживаний в своей органической целостности. Если человек прошёл, прожил и осознал целостность жизни, её открытость и животворность только за пределами эгоизма, то такой опыт открывает для человека возможность Диалога, возможность всеохватывающего

целостного «Мы»: в нём мы преодолеваем границы, переступаем порог и *поступает конкретный человек*: в Диалоге для Мы. Бахтин подтверждает: «эстетическое созерцание и этический поступок не могут отвлечься от конкретной единственности места в бытии, занимаемого субъектом этого действия и художественного созерцания» [3, с. 23].

Но в единстве и целостности есть различия: мир построен на различиях, это его фундаментальное качество. Человек расколот и целостен одновременно. Он проживает внешнее время, как различные события, даже происходящие одновременно, но внутри неразделённые в феномене проживания. Два противоположных по значению события, как мы видим на примере романа Рабле, пространственно разнесены, но событийно целостны. И их объединение, как указывает М.М. Бахтин, осуществляется в хронотопе *одновременности равноценных событий*.

Два События (рождение и смерть близких) происходят в пространстве трёх миров *одновременно*: в биологическом (внешнем) мире (*Umwelt*) осуществляется естественных порядок вещей: рождение, смерть; в мире «других людей» (*Mitwelt*) рождаются и умирают близкие люди; в *собственном (внутреннем) мире (Eigenwelt)* проявляются эмоционально-ценностно значимые связи с близкими людьми и происходящим, совокупность которых (чувств, ценностей и их связей) формирует *смысл*.

Таким образом, мы наблюдаем *уникальное* смещение миров относительно друг друга в Событии, хронотопном моменте или мгновении (Кайросе), им же вызванное в напряжённой и предельной динамике, где связи играют не меньшую роль, чем сами миры. Предсказать казуально такую уникальность не возможно: можно только непрерывно становиться готовым к вхождению в такое мгновение, поскольку уникальность исключает завершённую готовность.

Событие, таким образом, выступает одновременно и причиной для качественных изменений жизни, и *формой* для них – *ранее подготовленных усилиями* внутри индивидуального бытия: Событие готово прийти, когда подготовлено.

При этом ценностный центр (личностное ядро) становится точкой динамического равновесия при непредсказуемой активности в каждом из трёх миров.

Не предсказуемое их сочетание в определённое время может приводить к их «заклиниванию», остановке, а отсутствие или слабость эмоционально-ценностных связей к «остыванию» экзистенции и *невозможности качественного перехода в будущее*.

Такая «остановка» движения экзистенции требует заполнения «пространства между» составляющими её мирами: не подлинными (придуманнами, удобными, модными) чувствами, защитными механизмами психики (рационализацией, интеллектуализацией и т.д.), что проявляется как «не настоящая жизнь», проходящая мимо, «не со мной»; заменой *временной динамики оценки* События статичным, овеществлённым мнением, не связанным с *будущим*, непрерывным становлением жизни.

«Остывание» экзистенции, её «тепловая смерть» может переживаться как депрессия, и в отсутствии (слабости) эмоционально-ценностных связей заполняется критической массой тревоги, канализирование которой в будущее закрыто ввиду такой слабости экзистенции и не способности к прыжку, срыву, прорыву в новое состояние.

Таким образом, Бахтин через Рабле (или наоборот) показывает нам, что подлинная жизнь требует от нас непрерывного усилия по преодолению омертвевшего состояния неизменного привычного, удивлению возможному казуально не предсказуемому сочетанию устоявшихся соседств. Впускание в себя жизни через открытость непрерывному становлению, «рождающей смерти» мгновения и «смешному страшилищу» собственной ограниченности одномерного проживания, через укоренённость в *материально-телесной* антропологической данности.

Таким образом, три мира (*Mitwelt, Umwelt, Eigenwelt*) находятся в динамическом равновесии, вместе с тем, можно говорить о *невротической доминанте одного из них в определённое время*. Такая «слипшаяся» с интенцией доминанта может определять динамику *всей экзистенции* (*Umwelt* – жизнь на животном уровне, «бесчувствие» высшего порядка, *Mitwelt* – «рассеянность, разбросанность» (Паскаль, Кьёркегор), *Eigenwelt* – эгоизм).

Преодолением такого состояния является, как сказано ранее, объединение всех трёх миров вокруг ценностного центра в целостность экзистенции, интенциональность которой направлена к трансцендентному, в *будущее, вмещающее вечность*, и исходящей из *материально-телесной* непреложности жизни.

Следует учесть, что неподлинная жизнь, «невротичная» выражается человеком в *фиктивном* языке: он выражает о себе, для себя, внутри себя. Он не способен посмеяться над собой: «смех – существеннейший фактор в создании той предпосылки бесстрашия, без которой невозможно реалистическое постижение мира <...> смеховая и народноязыковая фамильяризация мира – исключительно важный и необходимый этап на пути становления

свободного научно-познавательного и художественно-реалистического творчества европейского человечества» [1, с. 411].

Кроме того, невротик *забывает* время. Подлинное существование в развёртывании экзистенции *охватывается* темпоральностью, т.е. время прошлого или различных событий не отторгается от «здесь-бытия», но проживается на ином радиусе границы развёртывающейся экзистенции. Темпоральность выступает показателем (в отличие от «стрелы времени») эмоционально-ценностной различимости прошлого и будущего. События будущего и прошлого пространственно находятся в различных точках, однако в единой (одной) сфере темпоральности экзистенции, проживаемой целостно. Настоящее, «вот-бытие» поддерживается постоянным Dasein прожитого прошлого, как принадлежащего миру человека в каждый момент, а не исторгнутого за ненадобностью использованного.

Обращаясь к этому миру, к тому, кто за его пределами, человек думает, просит для себя, что ему не хватает для проживания полноты жизни, сча-

стью и других популярных категорий повседневности. Задаётся ли человек вопросом: а что я могу дать миру, Высшему, за пределами мира? Придя голым, «пустым» и уйдёшь, забрав лишь проявленное, открытое в себе, утверждённое. Каждое новое мгновение подлинной жизни это исповедь перед собой другим. Как задевает нас Паскаль: «Человек познаёт, что он нищ: он нищ, ибо он *есть*, но он велик, ибо знает это» [9, с. 292].

А исповедь не терпит лжи. Совокупность лжи образует завершённую, правда всегда в недостижимой окончательности и вечной неготовности к завершению, правда в целостности становления и временном пространстве происхождения.

Если человек познал вкус целого, помыслил протяжённость всеобщего, схватил незавершённую становления, то в пограничной ситуации на пороге, ступеньке на пути к раскрытию заложенного потенциала, он способен подняться над противоречием механистического рационального восприятия жизни, увидев в её карнавале официальный приём бытия.

Список литературы:

1. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи / Сост. С. Бочаров и В. Кожин. М.: Художественная литература, 1986. 543 с.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Эксмо, 2015. 640 с.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров // Автор и герой в эстетической деятельности. М.: Искусство, 1979. 424 с.
4. Попова И.Л. Книга М.М. Бахтина о Франсуа Рабле и её значение для теории литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 464 с.
5. Шестов Л. Potestas Clavium (Власть ключей). М.: АСТ, 2007. 352 с.
6. Мэй Р. Открытие бытия. Очерки экзистенциальной психологии / Пер. А. Багрянцевой. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004. 192 с.
7. Кьеркегор С. Страх и трепет / Пер. с дат. Н.В. Исаевой. М.: Академический Проект, 2014. 154 с.
8. Щитцова Т.В. К истокам экзистенциальной онтологии: Паскаль, Кьеркегор, Бахтин. Мн.: Пропилеи, 1999. 164 с.
9. Страх. Антология. Философские маргиналии профессора П.С. Гуревича / Сост. П.С. Гуревич. М.: Алетей, 1998. 408 с.

References (transliterated):

1. Bakhtin M.M. Literaturno-kriticheskie stat'i / Sost. S. Bocharov i V. Kozhinov. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. 543 s.
2. Bakhtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa. M.: Eksmo, 2015. 640 s.
3. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva / Sost. S.G. Bocharov // Avtor i geroi v esteticheskoi deyatel'nosti. M.: Iskusstvo, 1979. 424 s.
4. Popova I.L. Kniga M.M. Bakhtina o Fransua Rable i ee znachenie dlya teorii literatury. M.: IMLI RAN, 2009. 464 s.
5. Shestov L. Potestas Clavium (Vlast' klyuchei). M.: AST, 2007. 352 s.
6. Mei R. Otkrytie bytiya. Ocherki ekzistentsial'noi psikhologii / Per. A. Bagryantsevoi. M.: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2004. 192 s.
7. K'erkegor S. Strakh i trepet / Per. s dat. N.V. Isaevoy. M.: Akademicheskii Proekt, 2014. 154 s.
8. Shchittsova T.V. K istokam ekzistentsial'noi ontologii: Paskal', Kirkegor, Bakhtin. Mn.: Propilei, 1999. 164 s.
9. Strakh. Antologiya. Filosofskie marginalii professora P.S. Gurevicha / Sost. P.S. Gurevich. M.: Aletea, 1998. 408 s.